

Салидаш
Зулкарнаева

ВЫПИВ НОЧЬ ИЗ СИНЕЙ ЧАШКИ...

* * *

Выпив ночь из синей чашки,
жду, когда нальют рассвет.
Тень в смирительной рубашке
мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом,
обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето
неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками.
Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками
ловят божьи рыбаки.

И по лунам, как по рунам,
выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной,
где полёт – последний миг...
Только в доме спит ребёнок.
Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок!
В степь пойду, сорву полынь
И травую горькой, дикой
окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка!
Полечу потом, потом...

* * *

За пядью пядь, все сорок пять годков
Я уступила без борьбы былому.
Пришёл сентябрь,
и смёл в стога солому
Любви, страстей, поджёл и был таков.

Качнулась влево чаша бытия,
Токсична осень – скука душу точит.
То в междуречье,
то вдруг в междустрочье
Мелькнёт порою неба колея...
А по весне в душе растает лёд,
И жизнь вокруг затеет перемены.
Апрельский ветер
рекам вскроет вены,
И к водопою ивы поведёт.

* * *

Почат январь, собрали конфетти,
В пустом доме одна не заскучаю:
Под вечер Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Пускай Самара где-то далеко,
Живи себе да печь топи на благо.
Есть тишь и свет, есть мёд и молоко,
И два пути – до неба и продмага.
Зачем грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь,
А дальше бездны некуда мне падать.
Лишь только жить без злости и обид,
Любить людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

* * *

Качается месяц на сучьях.
 Светает. Сажусь за весло.
 На том берегу в заколочье
 Забытое дремлет село.
 Дощатое тело деревни
 Свой век доживает мирской.
 В дворах одичалых сирени
 Отчаянно пахнут тоской.
 Здесь время как будто бы сбилось,
 И дом от затишья оглох.
 И бабочка в моль превратилась
 В плену паутинных углов.
 Завял на завалинке ветер,
 Заглохнул в саду суховей.
 И только в глуши о бессмертье
 Поёт и поёт соловей...

* * *

Я помню: с мамой моем окна,
 От чистоты визжит стекло.
 И ваты хрусткие волокна
 Меж рам кладём – беречь тепло.
 И руки мамыны, как птицы,
 Летают с тряпкой по окну.
 Ах, мне туда бы возвратиться
 Сейчас, вот только дверь толкну!..
 От осознания невозврата
 В пространство детской скорлупы
 Я цепенею, словно вага,
 На подоконнике судьбы.

* * *

Под бархатною пылью тишины
 Лежала степь от края и до края,
 Окутывал пространство вышины
 Сиреневый туман шального мая.
 А первого июня – небеса
 Разверзлись окаянными мечами.
 И дрогнуло оконце, как слеза,
 Когда тебя не стало за плечами.
 За окнами зима и снег кружит,
 Усталый ветер кашляет надсадно.
 Мне без тебя невыносимо жить!..
 Дойдешь до Бога – поверни обратно.

* * *

– Что творится в мире, брат?
 – Осень. Небо киснет.
 За окошком дни стоят
 Скользкие, как слизи.
 Пахнет водкой и войной,
 Бродит волк по лесу.
 Над планетою земной
 Всполошились бесы.
 Шар на шару прикреплён,
 Расшатались скрепы.
 В небе снежный батальон
 Ждёт зимы свирепой..
 – А на улице души
 Серой глухотой
 Не Иван, от сна ожив,
 Запрягает сани?..

* * *

Божий свет над деревней потух,
 Скот не кормлен, и нивы не сжаты.
 И от голода даже петух
 Не поёт, а ругается матом.
 Перечёркнуты окна в домах,
 В небеса перекошены двери.
 Пустотою полны закрома,
 А сердца беспросветным
 Безверьем.
 Лёд не тает, летает снежок.
 Но запахло весною погожей.
 Надо б только от края шажок,
 Дальше – легче.
 Дай силы нам, Боже!..

* * *

Не знаем, что будет –
 Огонь или лёд,
 Где выпадет крылья сложить.
 А если бы знали мы всё наперёд,
 Была б интересною жизнь?
 Не ясно: какая заглохнет из троп,
 Все выются и манят – пойдём!
 Где дерево – лодка,
 Где дерево – гроб,
 Не видно в лесу молодом.

* * *

Напьюсь я всласть осенней сини,
 Уйду в заречье через мост,
 Где серебрит луна полыни,
 Под многоточьем ясных звёзд.
 И по песку,
 Как по наитью,
 Придёт покой и благодать,
 Чтоб я могла ковильной нитью
 На сердце рану залатать.

* * *

Канул февраль без остатка
 В непроходимостях троп.
 Ветер ложится с устатку
 На ноздреватый сугроб.
 Тихо, не скрипнет телега,
 Ночь опустилась на дно.
 Белые бабочки снега
 Бьются и бьются в окно...

* * *

Степь, как тоска, бесконечна,
 Полнится даль синевой.
 Мне бы уйти в эту вечность,
 Стать неприметной травой.
 Небо седое гранитно,
 Стало холодным, как сталь.
 Впору собакой завить мне,
 Так вдруг настигнет печаль...
 Как за окном завечерит,
 Вдаль убегу, за дворы.
 Светлым мелком снег очертит
 Контур моей конуры.

* * *

В глазах раскосых – тьма степей,
 И небо – под ногами.
 Зачем, не знаю, – хоть убей! –
 Я говорю стихами.
 В степной глуши, среди ив, осин
 Живу почти убого.
 Зато всё близко – звёзды, синь,
 Рукой подать до Бога.

Когда темно в краю ракии,
 Стихами тихо плачу...
 О, если б знать, с какой строки
 Свернуть на лист удачи!

* * *

Прости меня, Небо, за то,
 Что часто ропщу я стихами.
 Укрывшись от солнца зонтом,
 Линую окошко штрихами.
 В загаженном дне бытия
 Порой не живу – прозябаю.
 И лживых словес сладкий яд
 За истину я принимаю.
 За то, что обиды в горсти
 Держу и отбросить не смею –
 Прости меня, Небо, прости
 За то, что прощать не умею.

* * *

Перекодируй, Боже, шум на тишь,
 Хочу, чтоб этот мир на время замер
 И старый дом предстал
 Перед глазами,
 Где свил гнездо
 Под самой кровлей стрижа.
 И там, вдали по берегу – ветла,
 А рядом с домом дед узду латает,
 Парит казан, и косы заплетают
 Мне бабушкины руки – два крыла.

* * *

Оцинкован целый мир цинизмом,
 Обесценен рубль, как стихи.
 Блеет бес, болеет век нацизмом,
 Лица улиц хмуры. Дни глухи.
 Не робей... Смешай питьё от страха –
 Молоко и чай, как день и ночь.
 На краю безудержного краха
 Постояв, пойдя от грани прочь
 В глушь деревни, где на дали глядя,
 Вмиг отвыкнешь плакать и болеть.
 Где тебя – поэта ждут тетради,
 Старый стул и лампа на столе.

На печи, на самой верхотуре
 Отлежишься, крыльями шурша –
 При такой живой температуре
 От всего врачуется душа.
 И, вобрав тепло и тишь селенья,
 Светлячком вернёшься в город тьмы,
 Чтобы светом и стихотвореньем
 Разогнать уныния дымы.

* * *

Я еду, еду к милой маме.
 Я знаю, ждёт она меня,
 С утра воюя с пирогами,
 И печку старую кляня.
 И пусть мороз сегодня страшен,
 Аж снег от холода визжит,
 Через лесок, вдоль белых пашен,
 Дорога к мамочке бежит.
 И без пальто,
 Лишь шаль на плечи
 Накинув, через всё село,
 Пойдёт ко мне она навстречу
 И примет дочку под крыло.

* * *

И как тут не писать стихи,
 Когда стоит такая осень!
 И всей округи петухи
 Запели враз многоголосьем.
 Как музам сердце не отдать,
 Когда в окошко злато брызжет,
 И небо синевую дышит,
 И в душу входит благодать.

* * *

Серебрится мехом нерпы
 Степь и старый мост.
 Под корой граната неба
 Зреют зёрна звёзд.
 Словно чашка в синем блюде,
 Встану я в полях.
 Пусть в тиши во мне сольются
 Небо и земля.
 О земные черепицы
 Точит месяц рог.
 По небесной половице
 Ходит светлый Бог.

Сагидаш Зулкарнаева родилась и живёт в Самарской области. Публиковалась во многих российских и зарубежных изданиях. Лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина и других поэтических конкурсов. Автор книги «Выпив ночь из синей чашки». Член Союза писателей России.

